

Сергей Прокопьев

САГА О
ЦЕНЗОРЕ

18+

Сергей Николаевич Прокопьев

Сага о цензоре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51266696

SelfPub; 2020

Аннотация

Герои этой повести живут в XXI веке, но профессия, которой отдали много лет, осталась в прошлом – цензура. Её вроде бы и не было в Советском Союзе, официально точно ни в одном открытом документе не фигурировала. И в то же время была. Работали в ней обыкновенные люди, со своими слабостями и достоинствами, пристрастиями и предпочтениями. В повести рассказывается о тонкостях профессии, о её носителях. Главного героя, от чьего имени ведётся повествование, судьба хорошо помотала – от следователя прокуратуры до грузчика, от грузчика до цензора, был ещё директором вагона-ресторана и снова вернулся в цензуру... Одним словом, есть о чём порассказать, есть что послушать...

Содержание

Весёлые картинки детства и юности	5
Следак прокуратуры	25
Демонстрация без полковников	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Если подуешь на искру, она разгорится, а если плюнешь на неё, угаснет: то и другое исходит из уст твоих.

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Гл. 28, ст. 14

Весёлые картинки детства и юности

На заре жизни, на самой ранней зореньке, со мной приключились два события, одно другого ярче, и в обоих случаях причина казусов – цветы. Первый пассаж из разряда комических и публичных. Театральная тусовка города не один день веселилась, пересказывая случай на сцене. Второй – ещё публичнее по масштабу, новость весь наш сибирский город облетела, но без хи-хи и ха-ха. Трагедия чистой воды, по логике вещей быть ей со смертельным итогом, ан нет, выжил курилка.

Моя мама добрую часть жизни провела на театральных подмостках – актриса, певица. Я вырос за кулисами. С буквальных пелёнок играл на сцене. В тот день давали трагедию с шекспировскими страстями. Чуть ли не «Отелло» в более позднем варианте. Муж, как тот мавр, взбешён, руки тянутся не к перу с бумагой, а к горлу жены-изменщицы. Мама исполняла в спектакле роль служанки или няни, а я – не давая на то согласия – играл ребёнка-сосунка на её руках. Согласия не давал по причине нахождения в возрасте своего персонажа – был сосунком. Подоплёка моего появления на сцене самая прозаическая – маме некуда было меня девать в тот вечер, не с кем оставить дома, взяла вместо куклы бу-

тафорской на сцену.

– Ты спокойным рос, – рассказывала.

Я, надо отметить, к тому знаменательному в моей жизни моменту переступил границу прекрасного возраста, когда поел, поспал, нужду в пеленки справил и никаких других проявлений разума. Продолжая питаться материнским молоком, параллельно начал приобщаться к звуковой сигнальной системе. Не просто тупо глазел на предметы, уже кумекал, что и как называется, и пытался что-то вякать по поводу увиденного. Вставить, так сказать, своё слово.

Играю, значит, в том спектакле, никаких реплик у меня по ходу пьесы не предусмотрено. В сценарии, если и была в отношении меня ремарка драмодела, не дальше «служанка с ребёнком на руках». Другого ничего не прописано. Роль исключительно бессловесная. Дело катится к смертельной развязке. Атмосфера действия раскалилась: плесни водой – зашипит. Неотвратимо приближается роковая сцена. Зал замер. Гробовая тишина. Сейчас свершится непоправимое. Над героиней бедняжкой завис дамоклов меч ревности... Муж в предвкушении возмездия сжимает-разжимает кулачищи... Мама стоит в сторонке, держит меня на руках, а рядом букет на столике. Может, из-за него как раз и разгорелся сыр-бор с дикой ревностью... Любовник, скажем, подарил. Я, конечно, ничего не соображаю в интриге, уставился не на героиню, которой жить-то всего ничего осталось по замыслу автора трагедии, вот-вот клешни мавра сдавят бело-

снежную шейку, я уставился на цветы... И пораженный красотой букета, посреди гробовой тишины, восторженно произношу с маминых рук: «Цыцы!» В переводе значит «цветы». И зал, который только что, затаив дыхание, переживал за судьбу попавшей в переплёт героини, грохнул в приступе смеха. Трагедия мгновенно превратилась в комедию. Играть пьесу дальше не имело смысла.

Любовь к цветам скомкала спектакль. Позже едва меня самого не скомкала. Случай в театре в юной памяти не отложился – произнёсшему вне текста «цыцы» от роду года не исполнилось, тогда как самые первые детские воспоминания едва не стали последними. Жил с бабушкой в здании, где потом располагалась (и располагается по сей день) гостиница «Сибирь». В войну туда поселили эвакуированных из Москвы и Ленинграда. И мою бабушку среди них. Она и в 1955 году там жила, а я с ней. Широленные подоконники цветами в горшках у всех уставлены. Лето, тепло, окно нараспашку. Я уже внятно говорил «цветы», два года как-никак парнишке. Жизнь вошла в пору, когда всё надо в руках подержать. Следуя этой страсти, потянулся за красотой. Воспитывала в тот день меня няня, у окна стоял стул, я на него влез, затем – на подоконник, там цветок, может, герань, бабушка герань любила. Дальше начинаются первые воспоминания детства: лечу вниз головой (этаж, надо сказать, четвёртый), двигаюсь в свободном полёте параллельно наружной кирпичной стене, впереди горшок с цветком, следом я. Кирпичики, швы меж-

ду ними в глазах помелькали-помелькали, а дальше – темнота...

Следующее воспоминание связано с событием, происшедшим только через два года после полёта на тротуар: мне празднуют день рождения. Первый в жизни юбилей стукнул – пять лет. Кто-то из взрослых говорит:

– Смотрите, какой он большой, прямо медведь!

Я прыгаю от радости:

– Я – большой медведь! Я – большой медведь.

Но это случится через почти три года.

А тогда цветочный горшок вдребезги, я рядом в асфальт головой впиваюсь. После чего моя детская головушка раздулась до размеров головы великана, превратилась в результате соприкосновения с тротуаром в сплошной кровавый пузырь. Плюс ключицы поломал и ногу. По сей день левая чуть короче, немного прихрамываю. Но в футбол до первого юношеского разряда доигрался, подумывал в физкультурный институт поступать.

У меня был финт. Сходясь с кем-то один на один, ставил ступню на мяч и делал два-три быстрых, коротких, качающих вправо-влево мяч движения. Провоцирую соперника. И стоило тому начать движение ко мне, мгновенно ловил на противоходке, резво пробрасывал себе мяч на ход и нёсся. Догнать мало кто мог. Была взрывная стартовая скорость, отсюда рывок отменный. И удар по воротам с хитрецей... В нём участвовали четыре пальца правой ноги, все, кроме

большого, а по мячу бил чуть по касательной, получалось с подкруткой – влево от вратаря. Мяч, начиная движение по прямой, вдруг менял траекторию... Много позже прочитал в интервью у знаменитого бразильца Ревальдо, у того похожий коронный удар...

Кличку на поле за хромоту получил Гарринча. Даже приглашали тренироваться в группу подготовки команды мастеров. Я учился на первом курсе юридического института, на первенстве факультета по футболу ко мне подошёл тренер профессиональной команды. Единственного выделил из всех и предложил попробовать себя. Но я ещё раньше решил, что спорт – это несерьёзное занятие в жизни, карьеру трудно сделать, талант нужен...

Падение из окна защитило от армии. Когда в военкомат вызвали, все справки о многочисленных переломах достал. Пожаловался на боли в голове, коих не было. Комиссия посмотрела документы и в ужас пришла:

– Какая армия?! Вы и армия несовместимы.

Будто я рвался совместиться. В двадцать пять лет военкомат снова надумал засунуть меня под ружьё. Я во второй раз справки извлёк из дальнего ящика...

В Омске я окончил начальную школу, а потом мы с мамой из Сибири уехали в европейскую часть Советского Союза, в город... Ну, это не важно. Хороший город, хороший юридический институт. Учеба прошла как один миг. Падение на голову не сказалось на содержании черепной коробки. Учил-

ся вполне нормально, легко. Единственно, что с трудом давалось, так это научный коммунизм. На него в мозгах что-то повредилось от соударения с землёй. И политэкономия не шла. Ускользали эти предметы от понимания, не лезли в голову.

Преподавал научный коммунизм старый рубака-красноармеец, трубач Гражданской войны, который, как рассказал однажды по секрету, даже по команде Троцкого поднимал в атаку красную конницу. Звали его Василий Кириллович. Был он маленький, щупленький, вредный. Студенты за глаза перекрестили в Васёк-Трубачок. Мучил нас Васёк-Трубачок. Чувствовал: не лежит у студиязов душа к дурацкому предмету. Злился на них, как на беляков, против которых дудел в свою дудку в боях под Перекопом и на других фронтах. Выучишь, всё равно измочалит вопросами. Поэтому я научный коммунизм почти не учил. Интеллектом Васёк-Трубачок не отличался. Может, с детства таким был, а может, вылетел ум через раструб революционной трубы.

Мог сам ляпнуть на лекции:

– Вот говорят, что физический труд полезен. Я, было дело по молодости, брёвна год таскал, так...

И постучал согнутым пальцем по столу, дескать, дуб дубом. Он-то хотел сказать, что брёвна его уму ничего не прибавили, а получилась самохарактеристика о содержании головы.

На наше горе научный коммунизм вынесли на госэкзамене

ны. У меня в голове на этом поле непаханая целина, поднимать её ой как не хотелось, всё откладывал, наконец, остаётся три дня до экзамена, дальше тянуть с вспашкой целины некуда – иду в научную библиотеку, сажусь за Большую советскую энциклопедию, выхватываю аннотации ко всем первоисточникам марксизма-ленинизма. И за полтора дня наизусть по каждой работе в голову вгоняю. Благо, память удар головой об асфальт не вышибло. Хорошая была в молодости. Первоисточник читая, семь потов прольёшь, пока в этом собрании мыслей, положенных на печатные слова, зацепишь основную идею. В Большой советской энциклопедии всё разжёвано. Но с Васьком-Трубачком у меня были личные счёты. На экзамене он хотел меня прищучить, рассчитаться за моё вольнодумство, но, подкованный Большой советской энциклопедией, сыпал ссылками на работы Ленина. И как ни пытался Васёк сбить меня с столбовой дороги а обочину, не получилось. В конце концов завкафедрой начал защищать меня придирок Трубачка, дескать, что уж чересчур наседать? Пятак поставили.

Я по всем экзаменам, где проходили первоисточники, так сделал. Ни одной работы не знал, ни одного первоисточника в руках не держал. Была ещё теория государства и права, сплошные ленинские труды. И тут я аннотациями память наштиговал и слово в слово шпарил... Прокатило... Снова высший балл поставили...

Институтские годы пролетели на одном чудесном дыха-

нии. Да, имел место странный случай, по сей день объяснения не нахожу. Послали осенью на сельхозработы. Деревня, как сейчас помню, Кобзики, лететь туда на «кукурузнике». Вместе со всей группой у меня не получилось отправиться, прилетел через пару дней. Самолёт маленький, но задержался с вылетом, как большой. Прибыли в аэропорт назначения в одиннадцать вечера. Аэропорт такой, что главная задача технических служб – коров с лётного поля вовремя отогнать и на ночь здание аэровокзала – больше похожее на деревенскую избу – закрыть. Коров перед моим прилётом разогнали, замок на избу после моего прилёта повесили. И попутчики по самолёту, пока я осматривался, исчезли. В природе осень, погода с облаками, луна иногда проглянет. Её света мне хватило определить – в каком направлении Кобзики располагаются. Но где в той деревне наша группа – не понять.

Поищу, думаю, в случае чего – спрошу. Шагаю по улице, ни одной живой души, ни студентов, ни местных жителей. Спят все, одни собаки лениво лают. Как искать своих? Не будешь в первые попавшиеся ворота ломиться с этим вопросом. Была надежда, вдруг в центре деревни есть бессонные административные учреждения: милиция или пожарная команда. Ничего похожего. Дождя нет, не холодно и я решил подождать рассвета. Рано деревенские улеглись, значит, рано проснутся, вот тогда-то всё и разузнаю. Иду в таком настроении и утыкаюсь в кладбище. У ворот часовня заброшенная. Чем не место для ночлега. Облака разошлись, лу-

на хорошо светит. Купол у часовни ободранный, дверей нет. Расхотелось внутрь заходить. Гляжу – бревно у входа, сел. Молодой был, казалось, что там ночь пересидеть. Но не парк перед глазами... Кресты, оградки поодаль из темноты выступают... Жутковато... Встану, похожу рядом с часовней... В деревне кое-где окошки светятся... Там огоньки, здесь кресты... Вдруг слышу: чук-чук-чук... Из глубины кладбища топоток приближается... Я остолбенел... Стою на дороге, по которой, надо понимать, на кладбище с гробами заходят... Стою заморожено... И летит от крестов и могил мальчишка, в смысле – бежит... Не по воздуху... Топоток-то был. Бежит по прямой. Лица не вижу... Луна за облачко зашла... Мальчишка, лет семь, может... Пробежал рядом со мной, чуть не задел. Но пробежал так, будто вместо меня пустое место... Не взглянул, не повернул голову, не издал ни одного звука.

Я сел на бревно: что это было?.. Если ребенок, почему так поздно по кладбищу носится, почему абсолютно не отреагировал на взрослого человека? На дядьку незнакомого, торчащего на кладбище ночью. И одет мальчишка как-то не по современному. Штанишки, так деревенские дети одевались на заре двадцатого века, рубашка... Что за пацан? Во всяком случае, в деревне я его не встречал потом. Месяц жили, специально присматривался, даже к школе ходил, пацанву мелкую разглядывал... Не встретил...

Пожалуй, ещё пару картинок из студенческой эпохи расскажу. После третьего курса поехал в Сибирь бабушку про-

ведать. Двоюродный брат Вовка учился в пединституте, на истфаке, второй курс закончил, начал меня соблазнять в археологическую экспедицию:

– Что тут в городе торчать, поехали. Будешь рабочим, много не заработаешь, но места хорошие, первозданные, отдохнём на природе, компания отличная, девчонки, гитара...

Не врал Вовка – места глухие. Автобусы маршрутные не ходят. На машине нас привезли в лагерь, что стоял на берегу речки Тары. На самой границе вековой степи, что с юга, пройдя тысячи километров, у воды обрывала свой огромный пласт... Вовка романтик.

– Представляешь, – говорит, – эта степь помнит скифов, сарматов... Скифо-сарматское время здесь хорошо отмечилось. Эпоха раннего железа... В этом, сегодня заброшенном краю, кипела жизнь, горели костры, гудела земля от несущейся конницы, звенели мечи, хоронили воинов.

Степь клином подходила к Таре. Вверх и вниз по течению километрах в трёх начинался лес, а на другой стороне Тары стеной стояла тайга.

На раскопки нас возили в степь на машине. Вблизи от лагеря стояли курганы, но ещё не обработанные... А вообще курганы виднелись до линии горизонта... Взберёшься на него, смотришь, вдали один, второй, третий... Курганным способом вождей хоронили. Но не в гордом одиночестве. В центре, в специальной камере для вип-персоны, вождь, во-круг на отдалении в ровике укладывали жён, рабов, лошадей.

По принципу: всё своё беру с собой... Чтобы не пришлось ничего клянчить в ином мире.

Первое, что увидели, когда пришли на разрытые курганы (археологи уже работали там) – черепа с аккуратной круглой дыркой в затылке. Как из наганов стреляли. Преподаватели пояснили: от удара чекана. У топора с одной стороны лезвие, а с другой остриё – чекан. Так забивали и хоронили вместе с вождём.

Большинство курганов разграбленные. Ещё в древние времена. Не черные археологи копали, предприимчивые современники почивших не ждали, пока захоронения перейдут в разряд археологии, по свежим следам грабили. Ценности, конечно, с вождём размещали. Туда и лезли гробокопатели. Остальные захоронения не представляли интереса для их бизнеса... Зато мы в ровике, что кольцом шёл вокруг камеры вождя, копошились с утра до вечера. Глубина метра два, сидишь там и кисточкой, ножиком освобождаешь какой-нибудь черепок, от керамической посуды осколок. Утомительная работа. Солнце жарит, сухота вокруг... Ты всё время в наклон, а сверху на тебя крупинки земли сыплотся, пыль летит, вылезает оттуда, как чёрт. От реки далеко. Вода в дефиците. В обед так и садились чумазыми лопать. После раскопок в лагерь привезут, мы с машины прыгаем и сразу в Тару... Ох, благодать... Вода прохладная... Пусть не слеза прозрачная, в Таре вода бурая, да наплевать после трудового дня...

Место, где стояли, жутковатое. Старшекурсники по вечерам нагоняли страх, рассказывая о гостях с курганов, что призраками ходят по темноте. Их вечный сон потревожен археологами, вот и маются бедолаги, места себе не находят. Убили, похоронили, но и костям покоя нет – раскопали на всеобщее обозрение... Старшекурсники вспомнят ещё чёрного альпиниста... И ещё один нюанс – в полукилометре от лагеря было заброшенное татарское кладбище... Никакого татарского поселения рядом или следов от него, а остатки могил с полумесяцем на разрушенных временах надгробиях были... Тоже не из приятных соседство... На другой стороне Тары каждую ночь, то ли зверь, то ли птица издавала ухающие звуки. Смех смехом, но после разговоров у костра на кладбищенскую тематику, ночью приспичит по-маленькому – по одному не отходили от палаток, обязательно будишь соседа в сопровождающие. И он не отмахивался на твою просьбу, сам поступал аналогичным образом.

Один Рыжий, Гришка Красин, не боялся. Он с Вовкой учился на одном курсе. Здоровенный детина. Нога сорок последнего размера, ручищи под стать. Кудлатая рыжая башка и наглый как танк. Охоч был до женского пола. Накануне весной Рыжий погорел. Был комсомольским вожаком факультета. Не на этой стезе прославился. Организовал что-то вроде бюро сексуальных услуг. Платных. В общаге была полубесхозная комнатка, транспаранты в ней хранились от демонстраций, другой хлам. Рыжий сделал из неё будуарчик.

Дверь из коридора забил. И получилось тайное помещение интимных встреч. Попадали в неё из соседней комнаты. С некоторым риском. По карнизу. Здание старинное, карниз широченный, целый бульвар. Рыжий подобрал девиц, не со своего, надо отметить, факультета, даже со стороны привлекал работниц. Создал круг клиентов. Организаторские задатки в нём имелись... Бойко пошло дело... А рухнуло по банальной причине – финансовом конфликте. Рыжий стал резать тарифы, девушки завозмущались: «Мы страдаем, а он...» Рыжий смотрел иначе: «Получают удовольствие, мужиков им поставляю, деньги даю, всё организовал...» Для советского времени случай был из ряда вон, чуть не публичный дом в институте... Но у Рыжего дядя работал в горкоме партии большим начальником. Рыжий – только и всего – лишился должности секретаря комсомольской организации да получил выговорёшник, вопрос об исключении сутенёра из комсомола, а значит – из института, дядя погасил...

Среди студенток экспедиции Рыжий сексуальной отдушины не нашёл, повадился ходить в деревню. Километрах в четырёх вверх по Таре стояла деревушка. Путь к ней пролегал через лес, что не останавливало Рыжего. Каждый вечер сматывался к зазнобушкам, возвращался по темноте. Как правило, подшофе, деревенские бабоньки поили бражкой, самогонкой, с собой иногда давали. Рыжий угощал нас. Самогонка была вонючей, но градус имела убойный. Мы деревню не посещали и предупреждали Рыжего: дождёшься, деревен-

ские парни тебе накостыляют – подловят и наломают бока. «Здоровья колхозникам не хватит!» – бахвалился Рыжий и демонстрировал кулак. Было на что посмотреть...

Погода стояла замечательная, после ужина мы засиживались у костра далеко за полночь. Гитара, разговоры... Сидим вот так же, вдруг со стороны Тары, из-под берега, истошный крик. Рёв даже. И вовсе не так, чтобы крикнул и замолчал. Бежит кто-то и орёт во весь голос.

– Вроде Рыжий, – Вовка предположил, – деревенские, похоже, гонят!

Мы похватали, кто лопату, кто топором вооружился, палкой... Вскочили навстречу крику... А из темноты вываливается в свет костра Рыжий. Всклокоченный, в одном сапоге:

– Там на дереве, – заикается, – там на дереве распятый!

Мы:

– Где?

Он в сторону берега показывает. Вовка ему:

– Веди

– Нет! Не пойду! – отказался Рыжий.

Потом всё же осмелился. Человек десять нас, вооружённых дрекольем, двинулись. Тропинка в деревню шла сначала по берегу, потом сворачивала в лес. На подходе к нему стояло несколько одиноких толстенных сосен. Луна во всё небо, гладь Тары, хорошо видно.

– Вот там! – показал на одно из отдельно стоящих деревьев Рыжий.

Держался он за нашими спинами, в авангард не лез... Подходим... Точно... В лунном свете чётко видно: на дереве висит парень. И как распятый. Руки или привязаны или прибиты. Голова опущена, чуб на лицо упал... Кто-то обратил внимание:

– Рубашка в клеточку.

Да, в клеточку. Брюки непонятно какие, но на ногах плетёнки. Не для таёжных мест обувь. Ни мы, ни деревенские не носили такую. Остановились метрах в пяти-шести от дерева. Кто-то говорит:

– Наверное, кончили и прибили. Надо утром в милицию сообщить.

Стоим в отдалении, ближе никто не решается подойти. Всё же осмелился кто-то. Только не Рыжий. Он потом рассказывал, животный ужас охватил, когда увидел...

– Иду, – говорит, – настроение чудесное, тропа делает поворот и в свете луны распятый человек.

Стали приближаться к дереву. Вот тут-то возникли сомнения.

– Кукла что ли? – Вовка предположил.

В руках у него лопата, сделал выпад в сторону повешенного-распятого, ткнул в него. И всё стало на свои места. Нет прибитого, нет распятого, никакой куклы. Одно дерево. Начали шарить руками. Всего-то кора кусками содрана со ствола, она в лунном свете показалась Рыжему человеком. Отошли на прежнее расстояние. Голова с чубом, упавшим на ли-

цо – это ещё можно нафатазировать, есть отдалённое сходство, но как мы разглядели рубаху, да ещё в клеточку? Как угораздило увидеть плетёнки на ногах? Пусть Рыжий был подшофе, но чтобы десять человек на сто процентов обманулись... Инерционность мышления...

Рыжий после этого перестал ходить в деревню. Если только днём сбегает, по ночам шастал. «Повешенный» отрезвил....

Я и сам пережил в экспедиции страх, почище Рыжего. На того никто не покушался, а я думал – кранты... Никогда в жизни такого ужаса не испытывал.

Варили студенты сами. Назначались дежурные. Я как рабочий мог не дежурить. Но Вовка поранил руку, попросил подменить. Да запросто. Две девчонки кашеварят, задача парня-дежурного обеспечить костёр дровами, поваров – водой и огнём. Ещё помочь продукты засыпать в котлы. Было в экспедиции человек сорок. На такую ораву варили. Просыпаюсь в пять утра, из палатки вылез. Настроение радостным не назовёшь, спать хочется, часов до двух сидели у костра. Природа тоже насупилась, рассвет не празднует: небо затянуто, серятина вокруг палаток, на реке туман. Взял я вёдра, тропинка круто уходила к реке, воду брали с мыска, затишок и вроде как поменьше мусора. Течение довольно быстрое... Я сбежал по спуску, зачерпнул одним ведром, зачерпнул вторым и, распрямляясь от воды, поднял голову... О ужас! Прямо на мысок летит по воде фигура. Сначала не разобрал...

Потом ясно вижу: злобная женщина в белом, длинные волосы скоростью назад сносит, а руки вперёд простёрты... На меня мчится. Как и раньше вокруг серятина, небо затянуто, туман... А из тумана жуткое потустороннее существо несётся, руки тянутся хватать... В отличие от Рыжего, я не заорал... Но не помню, сознание не отметило, как оказался наверху с вёдрами. Обычно, пока затащишь, язык на плече. Крутой подъём, никаких ступенек. Улепётывая от загробной женщины, залетел в мгновение ока. Смотрю, в вёдрах ни капли не осталось. Зато брюки мокрые, рубаха на животе мокрая. Скажу честно, не исключаю – обмочился от увиденного... Хорошо, водой позор смыло...

На реку с опаской посмотрел, вроде ничего не видно, туман... Надо идти вёдра наполнять, а я не могу. Ноги немеют, стоит о призраке подумать. Моя задача натаскать в котлы воды, развести костёр, только после этого будить девчонки-дежурных. Но боюсь один идти к воде. Не грустную русалку увидел, дьявольское существо летело... Одну девчонку разбудил. Наплёл, что скользкая тропинка, надо мне помочь при подъёме с вёдрами. Она вылезла из палатки. Спустились вдвоём, девчонка бурчит, что не дал урвать ещё минут двадцать сна. А меня даже в её присутствии крупная дрожь колотит. Всё сдавило внутри. Думаю, если ещё что-то подобное увижу – с ума съеду. В детстве такого страха не испытывал... Набрал воды... Глаз кошу, ничего вроде не вылетает из тумана... Поднимались в следующем порядке:

я впереди, девчонка сзади... Надо ещё пару ведер принести, девчонка больше не захотела сопровождать. Пересилил себя... Но больше ничего не увидел...

Даже Вовке рассказывать не стал... Исподволь поспрашивал у студентов-старшекурсников, будто слышал о таком: по реке может что-то двигаться похожее на фигуру стоящего человека. Сказали: бывает, бревно, топляк, торчмя плывёт, а может сосна, берег с сосной на краю обрушится, она плывёт, а корни огромные торчат...

Прозаическое объяснение, но в дальнейшем я от дежурства всячески уваливал...

В тот сезон экспедиции повезло, был найден уникальный экспонат – китайские стеклянные бусы. Казалось бы, не драгоценный камень, бижутерия. Но знатоки прыгали от радости. Бусы начала нашей эры... Очень редкая находка. Где Китай, и где речка Тара... Из такой дали завезли украшение по шёлковому пути. Столько веков оно пролежало в кургане. Не черепки глиняной посуды... Наверное, сарматский вождь подарил любимой жене. Такие изделия были известны знаатокам, но в нашей области не попадались ни разу археологам. Сначала те скакали от радости, а потом от отчаяния локти кусали. Бусы спёрли. Лежали в палатке, где хранили находки. Никакой охраны. Кто хочешь – заходи. Беспечность полнейшая. Как же – все свои. А свои да не совсем. Свои да не все. Ахали, охали. Я подумал на Рыжего. Парень ухватистый, не он ли? В деревню унёс, у своей крали спрятал... Нюх меня

подвёл. Стянул аспирант из Томска. Из себя тихоня. Любил с нами посидеть у костра. Не горланил песни со всеми вместе, зато у него была коронная. Эксклюзив из Тобска. Как жена потащила мужа на каток.

Жена накинула платок,
И мы рванули на каток,
На нас напялили коньки,
И мы стоим, как дураки...
А все катаются вперёд и в зад,
А я был этому совсем не рад.

Жена кричит, – Ой, упаду!
И растянулася на льду,
А я при всей своей длине,
Лежу на собственной жене...
А все катаются вперёд и в зад,
А я был этому совсем не рад.

Иногда аспирант брал у костра слово с «катком», или его просили... И без всякой гитары в быстром, захлёбывающемся темпе пел, скорее проговаривал речитативом... Обязательно вставал, изображая руками и телом катающихся конькобежцев... Получалось неплохо... Аспирант был высокий, худой, подвижный, с длинными руками. Забавно у него получалось...

Вот растянулся пионер,
За пионером – инженер,
За инженером – тракторист,
За трактористом – металлист...

Профессор в шубе на меху,
Три идиота наверху,
А эта шобла вся на мне,
А я на собственной жене..

А все катаются вперёд и в зад,
А я был этому совсем не рад.

Потянул аспирант древние бусы не на долгую память об экспедиции и не для творческого вдохновения при написании диссертации об эпических событиях прошлых веков. Не с целью, заряжаясь энергией неправдоподобно древней вещи, мыслью пронзать тысячелетия и оказываться у костров скифов и сарматов. Двигала элементарная жадность. Хотел продать бусы жены сарматского вождя, срубить денег на историческом экспонате. Но попался через полгода... Вовка мне потом написал...

Такие весёлые картинки из моего детства и юности...
Дальше будет ещё веселей...

Следак прокуратуры

Распоределлся после института в городскую районную прокуратуру. Блатные в адвокатуру или на худой конец – помощниками прокурора. Мне без блата куда? Или юрисконсультаном на копейки (получал он слёзы – восемьдесят рублей) или в следователи. Тоже никто не рвался. Считали – собачья работа.

Меня на собеседовании при распределении спрашивают:

– Где бы хотели работать?

– Помощником прокурора, – бодро отвечаю.

На собеседовании был начальник следственного отдела областной прокуратуры. В возрасте мужчина.

– Почему не адвокатом?– спросил он, усмехнувшись.

– Лучше меня знаете, – говорю дерзко, – туда попасть счастье надо иметь.

На что он:

– Если хотите стать настоящим юристом, нужно начинать со следователя. Это вам мой совет.

Прав был на все сто. Я хоть и работал следователем всего два с небольшим года, чётко понял: хочешь стать юристом-профи – поработай следователем. Закалку получил на всю последующую бурную жизнь.

Направили меня следователем в городскую районную прокуратуру. Сразу решил для себя: это не научный комму-

низм, который можно откладывать, не уча, до последнего – кончилась лафа студенческая, пора карьеру делать. Работе отдавался, себя не жалея. Приходил раньше всех, уходил в одиннадцать, а то и за полночь. В первый день прибыл в прокуратуру, отрапортовался, представился, думал: для начала введут в курс дела, дадут недельку на ознакомление и стажировку, наставника прикрепят. Прокурор пожал руку, привёл на рабочее место, благословил:

– Дерзайте!

И через пять минут мне на стол вываливают гору дел «возбужденных». Нужно дорасследовать. Никаких раскачек, как я размечтался... По-взрослому: вот тебе дела начатые, доканчивай. Я так и присел. Опыта у меня ноль, институтская практика не в счёт. Срок расследования два месяца, когда, думаю, я эту кипу успею обработать? В комнате сидел ещё один следователь, видит моё смятение.

– Ничего, – говорит, – не паникуй.

И дал мне совет, которым всю жизнь пользуюсь:

– Если научишься отделять главное от второстепенного, а второстепенное от третьестепенного – у тебя всегда всё будет в порядке. По главному будешь в отчете, второстепенные дела – в работе, а третьестепенные – те что, подождут своего часа. Не научишься выделять – будет сумбур в голове.

Дела, что мне дали, в разной стадии были. Одно уже возбуждённое, («возбужденное» на профессиональном жаргоне), по второй группе дел материалы надо собирать, по тре-

тзей – обвинительное заключение писать...

А тут ещё слышу, девчонка из нашего института, из соседней группы, на месяц раньше меня в прокуратуру пришла, такого напортила, ни в какие ворота не проходит. Распекают её в хвост и в гриву. Дали пустячное дело, завтра срок следствия заканчивается, она выясняла совсем не то. Я мотаю на ус чужие ляпы, самому бы с такими впросак не врюхаться.

Казалось бы, всё проще простого: состав преступления налицо, что нужно выяснять следователю? Время, место, способ совершения преступления, последствия. Молодые лезут в дебри, тонут во второстепенных мелочах и не выясняют главного.

Я человек не гордый, мало ли, что пять лет учился, лишний раз заглянуть в теорию не повредит. Взял в библиотеке при прокуратуре учебное дело, почитал. И засучил рукава. Беру конкретное дело из тех, какими завалили меня по самую макушку, открываю, смотрю: что мы имеем? Какие документы в наличии? Должно быть постановление о возбуждении уголовного дела. Это раз. Второе – запрос информационного центра МВД СССР. Затем характеристики, материалы допросов... Пишу для себя список, чего не хватает, и работаю по нему, не считаясь с личным временем. Жена у меня понятливая, скандалы не устраивает. И хорошо пошло. В районной прокуратуре проработал шесть месяцев, не было ни одного дела, чтобы не раскрыл.

Через полгода прохожу аттестацию, и мне предлагают старшим следователем в областную прокуратуру. По тем временам попасть в областную, это пахать и пахать. Лет десять-пятнадцать. А я сопляк неоперившийся. Но, получается, не совсем, раз в такую компанию взяли. В областной следователи работали серьёзные – деды, зубры, с каждого можно роман писать. Были экземпляры – ещё при Сталине начинали. И тут я, чернила на дипломе толком не просохли. Почесал репу, представил перспективу: если в районной до двенадцати ночи разгребал дела, тут вообще домой уходить не придётся...

Мне выделили отдельный кабинет. В облпрокуратуре следователи колхозом не сидели. У каждого свои апартаменты. В моём кабинете здоровенный стол. Двухтумбовый, зелёным сукном столешница обтянута. Что называется – довоенной эпохи мебели. И дают мне дело. Тонюсенькая папочка. Шнурочки развязываю, открываю и... не по себе становится. Дело с аннотацией депутата Верховного Совета СССР, первого секретаря обкома КПСС: «Просим проверить соблюдение финансовой дисциплины со стороны главного врача санэпидстанции Абрамовича и возбудить уголовное дело». Такая довесочка может десять томов перетянуть. Дело дали без всяких пояснений и комментариев.

Абрамович городскую санэпидстанцию возглавлял. Подоплека приписки первого секретаря обкома была следующей. Абрамович, депутат Горсовета (какая уж муха его укусила)

на заседании Горсовета не согласился с первым секретарем обкома. Выступил против шерсти. Я сразу понял: дело дутое. И начал собирать бумаги. Думаю, обложусь ими со всех сторон. Опросил двести свидетелей. Кучу запросов сделал. Из той тоненькой папочки получилось пять томов.

Имея в арсенале этот многотомник, вызываю Абрамовича. Так как выношу постановление о прекращении уголовного дела, должен ознакомить фигуранта. До этого Абрамовича ни разу не дёргал. Вызываю повесткой. Приходит. Приглашаю:

– Проходите, садитесь.

И объявляю:

– Уголовное дело в отношении вас прекращаю, пожалуйста, распишитесь.

Как он на меня понёс! Как разошёлся! Соскочил со стула:

– Что это такое? Проводилось расследование, а я даже не знаю!! Я – депутат Городского совета, а вы за моей спиной! Это что за порядки?! Буду жаловаться в Москву, если ваше начальство попустительствует!

Был семьдесят седьмой год, мне двадцать три года, ему лет пятьдесят пять. Звали его Георгий Маркович. Кипитится, слюной брызжет. Вскакивает со стула, хватает свой портфель, наверное, бежать на меня жаловаться, снова садится. Побледнел, глаза сверкают... Видимо, страшно нервничал, получив повестку... И вот эмоции захлёстывают...

Я спокойно сижу, ни слова поперёк. Он чуть стравил пар,

я взял слово, говорю:

– Не мне вас учить, я молодой, а у вас такой жизненный опыт. Вы человек с положением, многого достигли, но советую вам никуда не жаловаться. Я дело прекратил, распишитесь и забудьте. Я вас не дёргал, вы ничего не знали. Не нервничали, не тратили здоровье, всё прошло мимо вас. Подоплёку дела знаю, советую не обжаловать.

Он выслушал мои доводы, посмотрел на меня долгим взглядом, сидел молча пару минут.

– Где расписаться? – спросил.

Твёрдой рукой поставил росчерк, и мы расстались мирно. Не стал жаловаться.

Что уж там облпрокурор объяснял первому секретарю обкома, покрыто тайной. Я облпрокурору тома дела принёс, постановление о прекращении, что дальше – не знаю. Работая с этим делом, жил вполне нормально. Домой приходил рано, жена рада-радёшенька: денег приношу ощутимо больше, чем в районной прокуратуре, по дому помогаю. Вот, думаю, лафа в областной, и с зарплатой недурственно и с загрузкой малина. Но ошибочка вышла. Закончил дело с Абрамовичем, как начали посылать в командировки по области.

– Давай-давай, – по-отечески напутствовали деды, – ты у нас молодой, ретивый, тебя надо гонять как сидорову козу, тогда следак настоящий получится!

То в одну деревню отправляют – убийство, то в другую. Опять забыл, что такое дом.

Первое дело по убийству. Районное село, по пьяной лавочке убит мужчина. С особой жестокостью – грудь, живот истыканы ножом. Убийца несколько месяцев мне снился потом. Стоит передо мной невысокий, сухощавый и молча смотрит. В полтора раза меньше убитого... По сей день помню его фамилию – Чара. Поначалу категорически отпирался:

– Ничего не знаю, ничего не видел.

Его как рок преследовал в тот злополучный день. Утром нашёл на дороге нож откидной. И будто дитё малое, не мог наиграться. Демонстрировал массе свидетелей выброс лезвия, как ловко выскакивает: чуть нажал кнопку и – режь, не хочу. Полсела нож видело.

– Где нож? – спрашиваю.

– Потерял».

– Где?

– Знал бы, нашёл.

Я по минутам расписал местонахождение Чары в вечер убийства. Вместе с убитым покупал водку, папиросы, вместе пили за льнозаводом. Курили «Беломор-канал». Я поехал туда, собрал и изъясил все окурки с места преступления для доказательной базы. Бутылок не было, на стеклотару без меня охотники нашлись. Чара рассказывал, что они с убитым шаршились по селу, снова покупали водку... Потом будто бы расстались, Чара пьяным пошёл домой, об убийстве собутыльника узнал утром от соседа...

Я начал его раскачивать...

Думаю, талантом следователя я был наделён. Интуитивно чувствовал подозреваемого, умел предугадать ходы его заpiresательств, умел раскрутить, направить в нужное русло. Следователю стоит поторопиться, ляпнуть раньше времени подозреваемому «чистосердечное признание облегчит вашу участь», тот замкнётся. Хороший следак без агитационных призывов подведёт обвиняемого к состоянию, когда у того язык развяжется. Судебная психология незрящая наука... Не обязательно выбивать показания...

Это я ещё в районной прокуратуре работал, дали дело... Четверо молодых ребят занимались грабежом на улицах... Один наглый, дерзкий, второй скользкий, третий три года отсидел в детской колонии... Выбираю четвёртого – тихого, испуганного – и начинаю давить на кнопки. А кнопки: мать одна бьётся всю жизнь, братишка-школьник, живут в коммуналке, отец сгинул. Ещё до официального допроса начал раскачивать парнишку.

– Я вижу, – говорю, – кто есть кто в вашей компании. Ты по дурусти связался с этими гадами. А самая лёгкая участь из четверых может быть у тебя.

Устанавливаю контакт, подвожу к «давай рассказывай». И он рассказывает.

С наглым действую по-другому:

– Мне твои признания, в принципе, не нужны. На тебя уже показали... Смотри, чтобы всё на тебя не свалили...

Так всю группу раскачал, они признались... И тут меня

переводят в облпрокуратуру, дело передаю Витьке Шигареву, он годом позже меня начал работать следователем. Через какое-то время Витька прибегает в панике:

– Что делать? Эти четверо все до одного отказались.

– Не знаю, – говорю, – я из них чистосердечные не выбивал.

Витьке надо было признания подтверждать очными ставками, вещественными доказательствами, показаниями потерпевших, свидетелей подтянуть. Витька по неопытности заволокитил и потерял нить... Но позже стал знатным следователем, в Москву забрали.

Опыт, конечно, великое дело, но и психологом должен быть следователь. Где бы ни работал потом, никогда не просил повышения оклада. В любой организации знал, кто начальнику шепчет. И когда считал, что пора поднять вопрос о надбавке, говорил, как бы между прочим этому человеку: что-то тяжело здесь стало, зарплата низкая, буду уходить. Этот человек доносит мои слова до начальника. Глядишь, вскоре начальник вызывает к себе: вы хорошо работаете, я подумал – надо повышать вам зарплату. Никогда не пугал заявлениями об уходе, не ставил начальству ультиматум: «Или добавляйте, или ухожу». А работал везде на совесть, не хлявил за счёт других...

При расследовании дела Чары с вещдоками случилась памятная сценка. Милиция ещё до моего приезда изъяла их, упаковала. В райцентре я осматривать не стал, взял с собой

в прокуратуру. Распаковал, и чуть дурно не стало. Лето, жара, вещдоки – одежда убитого, свитер, майка, брюки... Всё, буквально всё в крови. Раскрыл, а там черви... Я от брезгливости начал живность вытряхивать и давить ногами... Запах ещё отвратнее... Схватил проволочную урну для бумаг, туда смёл живность и, нарушая все противопожарные нормы, подпалил бумагу. Дымом перебить вонь в кабинете... Сосед заглядывает:

– Ты что – горюшь?

– Ага, – говорю, – пионерский костёр устроил. «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионеры – дети рабочих».

Но вещдоки пусть и вонючие не сожжёшь, на помойку не выбросишь... Хотя и маловато их было, в основном косвенные... На одежде насчитал одиннадцать дырок от ножевых ранений. Чара, признаваясь, сказал, куда наносил, и я смотрел на соответствие – показания обвиняемого подтвердить вещественными доказательствами. Я ему 103-ю статью УК РСФСР, умышленное убийство, сделал. Раскачивая Чару, подсказал схему признания. Множественные ранения – особая жестокость, попадает под 102-ю статью УК РСФСР, до 15 лет. Скажи, говорю, что ты его боялся, он значительно сильнее тебя, ты из страха, что убьёт, наносил удары ножом, пока тот не затих. А это уже 103-я статья, 8 лет. Он послушался. Но, поговорив с адвокатом, вдруг пошёл в отказ. Адвокату пришлось разъяснять, что только хуже себе сделает, впаяют 102-ю. Одумался. Восемь лет Чаре дали. Доказа-

тельную базу я подготовил основательную, включая признание вины, трудно было отвертеться, или адвокату дело развалить.

Чара по жизни непутёвый. Не работал на момент убийства. Хотя семью, двоих детей имел. Пил. Сознаваясь, рассказал, что первый удар нанёс неожиданно, поэтому и справился со здоровяком. Дозабавлялся с ножом. Из рук его не выпускал, когда они курили с потерпевшим, никак не мог наиграться находкой – убирая и выбрасывая лезвие.

– Вдруг захотелось ударить его, злость взяла! Упёртый! – рассказывал мне.

И саданул. А потом бил в остервенении. Между ними вспыхнул дурацкий спор из-за тросика для мотоцикла... Кто-то кому-то не отдал... Нож Чара забросил в пруд. По моей просьбе сделал рисунок ножа. Указал место, куда зашвырнул, искали, но не нашли... Рисунок ножа пошёл в материалы дела...

Никогда подследственные не снились, только Чара приходил во снах.

Много было дел. Сектанты привязали в лесу трёхлетнего мальчишку к дереву. Почти по Ветхому завету, как Авраам, который нож занёс над сыном Исааком, эти тоже в жертву мальчишку принести... Не знаю, на что надеялись родители мальчишки? Может, верили, что Бог им, как Аврааму, поможет? Но задурманенные... Сами участвовали в покушении на убийство сына... На мальчишку наткнулись грибни-

ки. Был он в жутком виде, покусанный комарами, муравьями, но выжил... И показал, кто его привязывал... На суде дай волю женщинам, разорвали бы родителей...

Другой выверт. Женщина воспитывала дочь и влюбилась без памяти в мужчину. Тот условие выдвинул в ответ на чувства неземные: ты мне с пацанкой не нужна. И эта дура стелкивает десятилетнюю дочь с моста в реку... Долго запиралась, всё равно раскачал...

Не только ужасами запомнилась работа в облпрокуратуре. В пятницу, можно сказать, праздновали день следака. Соблюдался, хоть камни с неба падай, железобетонный ритуал. В мой первый рабочий день, ещё не успел познакомиться со всеми, меня в коридоре останавливает один зубр:

– Новенький?

– Ну, – говорю.

– Шахматы двигаешь?

– Немного да, – скромно отвечаю.

– Отлично, в пятницу проверим. На Фролыча тебя запустим.

Жили следователи славно. Своё помещение – флигелёк во дворе облпрокуратуры, отдельный вход. В пятницу с утра следователи работали в обычном режиме, но после обеда, как закон – дела по боку, доски из красного уголка на стол в большой комнате, и все до умопомрачения дуются в шахматы. На стук «коней», топот «слонов» подтягивались любители древней игры из областной прокуратуры: помощники

прокурора, начальники отделов. Человек по пятнадцать собиралось. Кто-то играет, кто-то советы даёт. По кнопкам часов бьют, шумят. Но не просто играют: е2–е4, слон туда, конь оттуда, длинная рокировка... Кроме досок с ферзями, королями и другой шахматной челядью, стаканы и бутылки на столах. Водка рекой льётся, подогревая спортивный азарт.

Перед обедом деда сбрасывались, и не надо ломать голову в решении загадки: кто шёл в магазин? Если я был не в командировке, в мой адрес звучало: «Дуй!» И давали дежурную сумку. Она отличалась повышенной ёмкостью, деда не марались за шахматными досками ста граммами – меньше пятнадцати бутылок я не приносил никогда, а чаще все двадцать – ящик. В качестве шахматного допинга признавалась только водка. Загружал в сумку ящик. Плюс закуска. Этот компонент шахматного турнира тоже был на мне. Закуску брали без изысков и разносолов. Поблизости от прокуратуры фабрика-кухня пекла вкусные пирожки с мясом и ливером. На ящик водки я покупал мешок пирожков. Стоили они пять копеек. Дёшево и под шахматы с водкой в самый раз. Не надо ничего резать, вилкой доставать... Стакан опрокинул, пирожком закусил и снова в бой, дави короля противника по всем флангам...

К концу обеда я притаскивал водочно-пирожковую сумку, деда уже расставляли фигуры, и начинался бой. Все дуются в шахматы, пьют водку, поедают пирожки. Время летит интересно и со страшной скоростью, глядь второй час ночи.

Почему-то контрольное время именно час ночи. После этого основная масса любителей интеллектуального спорта начинала расходиться. Как правило, к двум часам даже самые азартные собирали фигуры. Если кому-то хотелось ещё выпить, отправлялись догуливать на вокзал, где ресторан работал всю ночь, там уже водку без шахмат употребляли. В ресторан я не ходил, но прокуратуру с последними покидал. Жена недовольна была шахматным ритуалом, не любила пятницы. Скандалы не устраивала, но ворчала.

– Я не надираюсь до соплей, – объяснял, – держусь, по возможности пропускаю, сама подумай, начну выёживаться, трезвенника из себя корчить – не буду в прокуратуре работать. Белых ворон нигде не любят, в том числе и в прокуратуре.

Лукавил слегка, мне и самому было интересно в этой компании. Жена смирилась в конце концов. Она вообще умница, вскорости после прокуратуры началось такое – другая бы крутнула задницей, бросила не задумываясь. Нина всё перетерпела – и нищету, и благополучие. В шахматы я играл средненько. Фролыч, экзаменуя в первую пятницу, быстро со мной разделался.

– Слабачок новичок! – сделал заключение. – Пей водку, учи теорию!

Я упёртый, совет старшего товарища воспринял серьёзно, игнорировать не стал. Взялся за теорию, задачки порешал... В командировку еду, в дорогу беру шахматные книжки... И

наловчился, стал дедов обыгрывать... Фролыч меня заужал в шахматном плане...

Кстати, как оказалось, Фролыч – Яков Фролович Грошев – раскопал шумное дело о голубых, в котором моего однокашника Славку Карманова убили. В середине четвёртого курса мы двоих парней из группы одного за другим потеряли. Первым Гришку Лазарева. Все годы с Гришкой за одним столом сидели. Какая-нибудь тягомотная лекция, мы в «балду» или «морской бой» режемся. На научном коммунизме обязательно. Однажды Васёк-Трубачок, революционный трубач, засёк нас и выгнал обоих. Гришка перепугался:

– Уроет теперь.

Он был на сто процентов домашнего склада. На экзаменах, зачётах трясся, как заячий хвост – смотреть больно. Пятнами покроемся, заикается. Обычно никакого заикания, но в стрессовых ситуациях язык за буквы начинает цепляться, на каждой второй спотыкаться. У впечатлительных девочек в сессию женские циклы скакали от перепуга, но девочки понятно, хаотические натуры, здесь парня колотит.

– Ничего, – говорит, – не могу с собой поделаться.

Гришка подрабатывал лаборантом в политехническом институте. К ним привезли пресс. Высоченный. Во время монтажа что-то с 10-метровой верхотуры оборвалось. Все врассыпную, Гришка тоже – и поскользнулся, в туфлях был на кожаной подошве... Махина ему на голову... Ничего больше не задело, только голову... Мгновенная смерть. На следую-

щий день приходим на занятия, в институте некролог...

Девчонки ревели... Со Славкой Кармановым на кладбище по аллее идём к автобусу, он говорит:

– Вот жизнь, сегодня ты на коне, а завтра бугорок...

Неделя проходит, мне вечером староста звонит:

– Карманова убили!

– Как?

– Задушили.

Нашли его в центре города, в проходном дворе, задушен собственным шарфом. Славка любил носить белоснежные длинные шарфы. По сравнению с нами одевался с изюминкой. Мы в шоке. Только что Гришку похоронили... Будто чувствовал, говоря про «бугорок»... И темнуха, за что и почему...

А потом пошёл слухок: Славка был гомосексуалистом. Мы ничего не знали. Учился отлично. В студенческих тусовках практически не участвовал. Классно рисовал. Мог шарж за лекцию сваять. Васёк-Трубачок у него был любимым персонажем. Вот в будёновке скачет задом наперёд на дурковатой лошади и дудит аж щёки, как у хомяка, надуты, испуганные глаза навывкате. В другой раз с бесстрашными глазами в дудку дует, но уже на кафедре, в одной руке дудка, в другой – шашка... Такие шаржи нам не давал, покажет и спрячет... Меня изобразил с футбольным мячом вместо тела... И вот оказалось, наш Славка – голубой. Дело по его убийству зависло, сразу не раскрыли. Через год оно попало в руки Фро-

лыча. Произошло ещё одно убийство голубого, и снова, как в случае с Кармановым, – задушен... Деда над Грошевым подшучивали, когда он шерстил городскую тусовку педиков:

– Фролыч, главное, сам не увлекись, мужеложство, специалисты говорят, дело заразительное...

Грошев вышел на артистов балета и раскопал: один из них на почве ревности Славку задушил, а потом снова влюбился и опять приревновал... Серийным убийцей-ревнивцем стал... Вышку дали...

Год работаю в прокуратуре, всё идёт лучше не надо, деда уважают и не за одни шахматные успехи и стойкость по водочной линии, дела, что веду, из судов не возвращаются. Влился в коллектив во всех направлениях. Но угораздило поехать в Египет по турпутёвке. Захотелось расслабиться от повседневных забот в стране древней цивилизации.

Был у меня в биографии конфликт с райкомом и горкомом комсомола. После института работу в районной прокуратуре сразу не дали: ждите. Месяц жду, второй начинается... Сколько, думаю, можно... Жена сидит с грудным дитём, дочь у нас родилась, а я мотаюсь вагоны разгружать, подрабатываю, как в студенчестве. Встречаю инструктора горкома комсомола, знал его по работе в институтской народной дружине, я два года командиром был, он предлагает освобождённым секретарем комсомола в ГПТУ. Меня как муха укусила тогда, нет бы мозгами пораскинуть – надо ли мне это, взять время на обдумывание, я сходу согласился.

Честно говоря, не очень хотел в следователи идти. Почему-то решил: по комсомольской линии сделаю карьеру быстрее и с меньшей тратой сил. Дал комсомолу согласие, и машина закрутилась со страшной скоростью, через пару дней вызывают в райком. Ухватились за меня руками-ногами, как чёрт за грешника: будете работать, на бюро рассмотрим вашу кандидатуру, это чистая формальность.

Вышел из райкома, сталкиваюсь с Танькой Татарниковой, вместе учились. Она мне:

– Да ты что, больной? Ты в этой дыре гэпэтэушной никакой карьеры не сделаешь! Они почему в тебя вцепились, ни один дурак, кто на комсомол поставил, туда не хочет. Просидишь до тридцати лет, а потом начинай с нуля. Ладно бы инструктором в райком, а так...

У меня как шторка с глаз упала: права Танька... На бюро райкома прихожу и отказываюсь. У них шары по чайнику:

– Вы в своём уме?! Вы соображаете, где находитесь и что говорите? Мы вас провели везде.

– Нет, – твёрдо стою на своём, – хочу работать юристом. Меня что государство зря учило?

Не успокоились. «Государство» на них не подействовало. В горком комсомола вызвали и давай страшить:

– Соглашайся, иначе мы тебе припомним, у нас предателей не любят.

Уже в предатели записали. Думаю, если соглашусь – вы мне точно припомните, а так буду подальше от ваших глаз...

Учась в институте, сподобился я посетить заграничные края – Сирию и Египет. По тем закомплексованным и невыездным временам это было что-то. В соцлагерь не всех выпускали. В капгосударства только особо благонадёжных граждан. Я из них: передовой общественник, командир народной дружины. Комсомол наградил путёвкой. Я тогда в райкоме был на хорошем счету. Без проблем мне поспособствовали с разрешением на приобретение путёвки, дали характеристику в соответствующие органы. Съездил, понравилось. Кой-какие шмотки привёз.

В прокуратуре под отпуск подвернулась путёвка в Египет. Моя очередь, как у молодого, самая последняя по рейтингу, да желающих не оказалось на пирамиду Хеопса глядеть. Мама, будто чувствовала, отговаривала от поездки. Не лежала у неё душа. Не так, чтобы категорично отговаривала, но не сколько раз просила:

– Не ездил бы ты, Роман, не нравится мне это, не надо. Ты только зацепился за прокуратуру.

Не послушался.

Меняли тогда пятьдесят рублей. Маршрут: Греция, Кипр, Турция, Египет. По два-три дня в Греции, Турции и на Кипре, а в Египте – семнадцать. Я там уже был, опыт имелся. Можно брать в качестве дополнительной валюты водочку и всякую дребедень. Египет по тем временам – рай. У нас в магазинах пусто, а там – глаза разбегаются. В Греции я продаю часы с руки. За десять долларов. Это считалось хорошим

наваром. В Египте водку сдал. Было три или четыре бутылки. Купил жене зонтик японский. Себе пластинки, группы «Чикаго», «Дип пёпл», «Пинк Флойд», их знаменитый концерт «Обратная сторона Луны». Обзавёлся новой джинсой. Год шёл 1978-й. Публика в группе подобралась не шалупонь комсомольская, с какой в Египет в первый раз ездил, номенклатурная – с некоторым положением. Тем не менее все за милую душу приторговывали. Конъюнктуру знали. Наши болоньевые куртки пользовались спросом. Их толкали. Водку, часы. Все этим потихоньку пробавлялись, и я поддался общему спокойствию. Подозреваю, была наколка от моих комсомолят, что обещали устроить мне весёлую жизнь за отказ от работы с ними. Я, не зря следовательно, вычислил одного из нашей группы, Вову, что он кагэбэшник. Он целенаправленно сёк за мной. Да поздновато следовательно нюх включил. После того как наследил... На теплоходе плывём, я говорю:

– И что, Вова, ты меня сдашь?

– Куда я тебя сдам? – прикинулся валенком. – Я – инженер!

Будто я спрашивал, где он работает. Короче, я понял – кранты.

Вова частенько вокруг меня крутился. Я купил пару журнальчиков с лёгкой эротикой, это была невидаль в Советском Союзе. Вова увидел, глазёнки заблестели:

– Дай посмотреть.

Мыслишка ещё тогда проскользнула: подозрительный тип. И соседа по номеру не сразу раскусил. Надо было не светиться, а я при нём часы продал. С фотоаппаратом умнее поступил... У меня «Зенит» был. Хороший аппарат, пользовался спросом у иностранцев. С ним хитро поступил, футляр оставил, аппарат продал. И втихушку, никто не видел, футляр носил, дескать плёнка кончилась. С часами засветился. Английский я со школы хорошо знал, на бытовом уровне изъяснялся свободно. С учительницей повезло, да и память у меня... Египет бывшая британская колония, английский язык в ходу. Когда в первый раз туда ездил, девчонки постоянно вокруг меня крутились, я в магазине свободно с продавцами общался, поторгуюсь, они раза в два, а бывало, и в три скинут цену. Им только дай туристов облапошить. Я в этом плане крепкий орешек. Вцеплюсь в товар, они уже сами не рады, только бы отвязаться от такого покупателя. Попадается мне сосед по номеру Алексей Иванович – горисполкомовский работник, лет на десять меня старше и ни бэ, ни мэ в английском, как и в любом другом иностранном. Липучкой пристал. Как иду в магазин, обязательно увяжется. Мне бы сбрасывать такого соглядатая с хвоста... При нём продавал часы. Он Вова стучал. Хотя сам приторговывал направо и налево... В Каире у меня в номере чемодан вскрыли. Ничего не взяли, но порылись. Уверен, Вова прижал Алексея Ивановича, тот на него сработал.

Вернулся из поездки, приступаю к своим обязанностям...

Первая неделя прошла нормально, с шахматной пятницей. Как сейчас помню, Фролыч меня обыграл. Что дитё, счастлив был:

– Это тебе не на пирамиды пялиться, тут мозгой шевелить надо!

Я жил в двух кварталах от облпрокуратуры. На следующей неделе, кажется, во вторник иду, не спеша, половина девятого, не опаздываю. Смотрю, Вова, который инженер и с которым в Египте были, впереди меня вышагивает. Серый дом стоял перед областной прокуратурой. Вова бодро поднимается на его крыльцо. Я ему:

– Вова, привет.

У Вовы челюсть и отвисла.

Через несколько дней у меня всё отвисло... Хотя и не исключал возможности невесёлого поворота событий, надежда была: пронесёт. Надеялся, мундир работника облпрокуратуры защитит от происков товарищей из органов. Всё-таки прокуратура серьёзное учреждение... Нет. Пришла депеша, и закрутилось колесо, чтобы раздавить меня, размазать... Я в партию ещё в институте вступил. Какая карьера без партбилета. Назначается партсобрание в облпрокуратуре, первый пункт повестки – моя аморальная личность, порочащая высокое звание советского человека. И инкриминируют мне, что я продал чемодан водки, часы... И ещё: я консультировал туристов, как надо заключать сделки с иностранцами.

– Да, – сознаюсь, – часы, бес попутал, продал, чтобы ре-

бёнку побольше купить, жене. Но водки провозил, как было разрешено, не больше.

Чемодан с водкой был придуман, чтобы меня утопить. Чувствовал себя препротивно. Зал человек пятьдесят-шестьдесят, мои деды, тот же Фролыч. Я, как пацан нашкодивший. Но Вове-кэгэбэшнику я решил подговнять, подложить свинку, пусть тоже покрутился перед своими, пусть закроют ему халявные поездки в загранку... Вовы на партсобрании не было. Но я уверен: представитель серого дома присутствовал при моём линчевании. И я сказал открытым текстом, что в группе был работник КГБ... Мне вопрос из зала:

– С чего вы взяли?

– Это, – объясняю, – труда не составляло вычислить. Представляете, тургруппа, едем, скажем, по Никосии, головы крутим. Гид рассказывает, мы записываем, ведь по возвращении домой надо будет делиться впечатлениями от увиденного. У всех неподдельный интерес. А этот товарищ ничего не записывает, лишь смотрит за другими. Тут следователем не надо быть, чтобы понять – не простой турист.

Фактически сказал, что Вова работал топорно.

Первую инстанцию партийной карающей машины прошёл, меня дальше – на бюро райкома. Собрали характеристики отовсюду. Из института написали, что я, будучи в народной дружине, проявил себя ленивым, безынициативным, на первом плане была учёба, дело не волновало. Не упомина-

нули, что за то время, пока был командиром народной дружины, меня наградили тот же райком знаком «Отличный дружинник», характеристику блестящую выдал. Моя дружина была одной из лучших в городе.

Но у меня в архиве хранилась копия той характеристики, где я описан в замечательных тонах, были копии и других подобных отзывов.

Взял их на бюро райкома партии. Там сидели солидные дяди и старые коммунисты, чуть ли не герои революции. Как начали меня чехвостить, как ударили со всех стволов! Какие там блестящие характеристики доставать, защищаясь, рта, практически, не дали раскрыть. Полоскали добрых полчаса без остановки. Я попытался отбить этот чемодан водки, это явное враньё. Объяснить, что никак не мог провезти столько водки.

– У меня, – говорю, – всего был один чемодан с вещами.

Райкомовец перебивает:

– Что вам очную ставку устраивать?

– Да, – говорю, – очень прошу устроить очную ставку с тем, кто видел у меня чемодан водки и с тем, кто видел, как я этот несуществующий чемодан продавал.

Вёл себя даже дерзко.

Никаких расследований с очными ставками проводить они не собирались, постановили коротко и ясно: исключить.

Ладно. Исключить так исключить. Месяц на апелляцию дали. Из облпрокуратуры тут же уволили за проступки

несовместимые со званием советского следователя... Принёс я дедам моим три литра водки на поминки моей карьеры в облпрокуратуре.

– Ты, конечно, сам дурак, – Фролыч заключение сделал, – надо же соображать, не в деревню Пердиловку турпоездка, в капстрану. Вам пацанам всё кажется, вы самые умные... Ладно, будешь соображать впредь. Но пузыри не пускай, тебя после нас любая районная прокуратура с руками и ногами возьмёт. Ты же следак, а не прыщик на заднице.

Не только он так говорил при увольнении. Черта с два. Куда ни сунушь, мне от ворот поворот. Ни в одну Пердиловку не взяли. Пытался в проводники податься на железную дорогу – закосили сразу. По медицине. Пришёл на комиссию. Ладно бы что-то увидели. Даже до врачей не допустили.

– Кто здесь Кожухин?» – спрашивают. Достали мои документы, отдают: – Всё, свободны, не пройдёте.

Кое-как устроился юристом в райторге, в районе. Крошечный городок, час на электричке, а что делать? Пришёл туда, честно рассказывал, откуда меня и за что попёрли. Бесполезно юлить, всё равно узнают. Торг возглавлял фронтовик. Без левой руки, орденские планки на груди. Сказал ему:

– Вы знаете, чувствую: поступит вам указание от меня освободиться, долго навряд ли буду работать.

Он даже кулаком по столу пристукнул:

– Ты, парень, брось на партию пятна наводить! Я старый коммунист, партия у нас справедливая! Будешь работать у

меня! Вот увидишь, всё получится хорошо.

И довольный, что я к нему пришёл.

– До тебя всё девки работали, с рожалками-нетерпелками. Посидит-посидит, гляжу, с пузом. Старуха моя смеётся: по-ди, ты неугомонный всё кобелируешь. Будто без меня некому... Главное, без мужей девки... Вот ей и подозрительно.

Начал у него работать, ездить далеко, но мотаюсь. Через пару недель просит по телефону:

– Роман Анатольевич, зайдите.

Захожу.

– Вы знаете, – объясняет, – вы правы были, меня вызвали в райком и приказали от вас избавиться. Дали срок две недели. Придумай, говорят, повод.

Сам глаза опустил. Я ему:

– Не надо придумывать, я сейчас напишу заявление по собственному желанию.

Апелляцию в горком на моё исключение из партии я подал в последний день. Линию поведения подсказал Фролыч. На отвальной после второго стакана, приобняв, посоветовал:

– Ты не ерпенься, голой жопой на ежа не прыгай! Повинись! Покайся! Раньше перед Богом каялись, теперь перед партией. Сейчас времена другие. Раньше с тобой и говорить бы не стали. В подвале нашего дома шлёпнули бы и всё.

Послушался я деда. Принёс на бюро горкома повинную голову. Не стал оправдываться, что я не верблюд с чемоданом водки, что я вовсе даже белый и пушистый, не хуже дру-

гих в группе был. Не стал доставать блестящие характеристики. А встал и говорю:

– Да, я совершил ошибки, но вы должны учитывать мой возраст. Жизненный опыт минимальный. Всего-то двадцать пять лет. Если мне сейчас закрыть дорогу, я вообще ничего хорошего не сделаю, не сумею реализоваться в полную меру. Но если проявить доверие, могу много совершить полезного обществу. Несравнимо с тем, что натворил. Конечно, я заслуживаю наказания за свой неблагоприятный проступок...

Все сидят суровые, с таким настроением только головы рубить. Но смотрю, у первого секретаря горкома после моего выступление лицо посветлело. Как только выражение главного лица изменилось, а все антенны на первого секретаря настроены, остальные физиономии подобрали...

Меня отправили в коридор. Слышу в приоткрытую дверь, как стали они орать:

– Зачем его нужно было из торга убирать, пусть бы работал? Зачем сделали парню волчий билет – нигде устроиться не может.

Кто-то всё же вякнул:

– А я бы исключил этого спекулянта!

Мнения разделились. Но в перерыве выходит из дверей партийный боец в юбке, деловая баба, лет пятьдесят, без талии, крепкая, с напористым бюстом, таких, как я, видела-перевидела за свою партийную карьеру, берёт меня за плечо:

– Молодец, – похвалила, – хорошо сказал. Знаешь, одно

слово неверное ляпни, и пиши пропало. Но ты молодец. Всё будет нормально.

Нормально лишь отчасти получилось.

– В партии мы вас восстанавливаем, – сказали мне в итоге, – но на работу устраивать не будем.

Выговорёшник строгий вlepили, но это всё же не исключение. Нормально, думаю, время пройдёт, всё забудется. Получилось не совсем так. Совсем не так. Из партии не турнули, но шлагбаум на трудоустройство остался закрытым.

Куда ни сунусь, как прокажённый, – не берут. Вагоны ходил разгружать, на стройке подрабатывал. Как-то утром возвращаюсь домой с товарной станции, уставший, навстречу инструктор горкома комсомола:

– Ну, как – жена от тебя не ушла ещё?

С ехидной ухмылочкой спрашивает.

– Да нет, – говорю, – и не уйдёт, не дождётесь.

– Не знаю, не знаю...

Наконец нашёл место грузчика в магазине. Устроился в начале месяца, числа третьего. Контингент грузчиков соответствующий: пьяницы, прогульщики. Магазин Облпотребсоюза, назывался «Таджикистан», в самом центре города. Большущий, прилавки километрами. И машина за машиной с товаром. Вина, фрукты, соки-воды, консервы... Одну разгрузишь, другая сигналит... Упахивался, к вечеру еле себя таскал. Мои коллеги грузчики появлялись в магазине эпизодически: то один пьяный, другой в запое, третий с похмелья,

то в обратном порядке. Только я в единственном числе каждый день с утра до вечера на посту. Но как деньги в конце месяца получать, все гальванизировались – подползли. Директор на собрании трудового коллектива приказ по премии оглашает:

– Сидоров, премия тридцать процентов, Петров – двадцать пять, Иванов – двадцать пять...

Всех перечислила, кроме меня. Собрание уже шло, появился представитель Потребсоюза. Физиономия лоснится, одеколоном прёт, животень пиджак рвёт. Я говорю:

– Что-то ни Петрова, ни Сидорова я почти не видел, чаще всего один горбатился с товаром.

– Вы знаете, – директор медовым голосом объясняет, – вы месяц не полностью отработали, пришли к нам второго числа, а премия выписывается только за полный месяц.

– Тогда я у вас вообще не буду работать. За них не буду мантулить!

Директор заюлила:

– Не уходите, что-нибудь придумаем!

Прекрасно видела, как я работал. Продавцы мне говорили: у нас давно такого грузчика не было. Представитель Облпотребсоюза, этот лощёный кабан, шепчет сквозь губу директору:

– Увольте его, подаст заявление, и увольте, пусть уходит.

И я понял, круг замкнулся, надо рвать из этого города, менять место жительства.

Жена работала на ткацко-отделочной фабрике, до неё не добрались, а на маму, как я попал в эту мясорубку, наехали под удобным предлогом. Мама преподавала в педагогическом училище пение и подрабатывала в церковном хоре. Человек-то она неверующий, но профессионал в пении... Её директор педучилища вызвал и говорит:

– Вы преподаватель и вдруг поёте в церкви, это несовместимо для советского педагога... Уходите из хора.

Мать, мудрая женщина, поняла: раз зацепились, хорошего не жди, всё равно из училища уволят. Оставила работу мирскую и стала петь в церкви. А сейчас даже пенсию повысили за счет заработка в церкви.

Как я из грузчиков ушёл, мы с мамой давай думать: как дальше жить? Помараковали и решили обменивать квартиру на Омск, где бабушка по-прежнему жила, уже не в здании гостиницы «Сибирь», откуда я полетел вниз головой с жёстким приземлением на асфальт, но тоже в центре. Как говорится, где родился, там и пригодился. Тем более – в Омске я два раза родился. После асфальта ни один врач не верил, что буду жить...

Удачно поменяли мы квартиру, и попал я на работу в здание, что в ста метрах от места моего памятного падения... И, что самое интересное, стал на долгие годы в определённой мере коллегой Вовы-кагэбэшника...

Демонстрация без полковников

Поначалу в Омске хотел в газету устроиться. В институте доводилось сотрудничать с нашей многотиражкой, пописывал о студенческих буднях и праздниках, о работе народной дружины, даже в областной газете пару заметок напечатали. Думаю, дай попробую. Месяц по договору в «Вечёрке» бегал, высунув язык, исключительно на гонорарах заработок, а значит – крутись. В штат не берут, своих журналистов девать некуда. Пусть штатный мало строчек даёт, а не выгонишь, если залётов нет. Ну, и сидит на окладе, ковыряется помаленьку.

От ребят журналистов узнаю: есть вакансия в управлении по охране государственных тайн в печати (другое название – Обллит). Руководил управлением Михаил Ильич Шабаров. Было ему тогда за пятьдесят. На голове редкий ёжик седых волос. Круглолицый, нос деревенской породы – картошкой. Массивные очки. От земли мужик. В графе «образование» – сельхозинститут, совпартшкола. Вершина карьеры неслабая – много лет первый секретарь райкома партии в одном из южных районов области. На границе с Казахстаном. С той местности вынес фольклорную поговорку:

– О-о-о, шибко образованный человек – казпедтехникум десять лет на один пятёрка учился.

В хорошем настроении мог кого-нибудь поддеть «казпед-

техникумом». Первый секретарь в районе это непрерываемая величина. Властью обладал колоссальной. Царёк. Все и вся ему подчинялись. По мановению руки первого всё крутилось на подведомственной территории. Обязанностей хватало, но и свобод. Тогда как руководство Обллитом – явное понижение. По косвенным признакам я сделал вывод: Шабаров в мечтах карьерных за свои заслуги на сельской ниве метил на должность завотделом обкома партии или даже секретаря обкома. По возрастным партийным меркам семидесятых годов Михаил Ильич был молодняк. В политбюро сидели старцы за семьдесят, в обкомах партии тоже на ответственных должностях сорокалетние редко встречались. Но его загнали в тупик, из которого одна дорога – на пенсию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.